

**ТЕМА НОМЕРА:
«ШЕКСПИРОСФЕРА И МАРЛОСФЕРА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ВЗГЛЯД»**

**КРИСТОФЕР МАРЛО И ЕГО ТВОРЧЕСТВО
В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ**

DOI: [10.17805/ggz.2019.6.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.6.1)

**Научно-образовательное пространство в пьесе К. Марло
«Трагическая история доктора Фаустуса»***

И. И. Лисович

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ; Московский гуманитарный университет*

Статья посвящена анализу научно-образовательного пространства в пьесе К. Марло «Трагическая история доктора Фауста». Экспансия новых научных практик и идей в социокультурное пространство средневекового города породила рефлексию, в том числе и художественную, относительно этих изменений, что видно на примере данной пьесы. Научно-образовательное пространство отражает современную Марло сегментацию города: оно сочетает в себе элементы средневекового университета и новой научно-образовательной среды, которая пока еще маргинальна для горожан. Но Фауст расширяет это пространство и ищет новые возможности.

Фауст активно обращается к тем областям знания, которые развивали гуманисты, математики, астрономы и естествоиспытатели раннего Нового времени: филология (изучение древних и современных языков), астрология и астрономия, геология, алхимия и ботаника, а также практики, основанные на получении знания при помощи опыта и наблюдения, которые в данной пьесе отнесены к магии.

Пьеса многослойна: она соединяет сакральное и обыденное, основной конфликт разворачивается в пространстве души Фауста, сомневающейся и движимой “wit”. Несмотря на то, что Фауст показан одиноким магом, в пьесе представлена вся иерархия средневековой Европы от слуг, мошенни-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00679).

The article was prepared within the framework of the project “Christopher Marlowe and His Literary Heritage in Russian and World Culture: An Interdisciplinary Look” with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00679).

ков, университетских коллег, торговцев, рыцарей, монахов, до кардиналов, герцогов, папы римского и императора, которые активно интересуются искусством Фауста.

В пьесе показано, как формирование нового научного знания и «новой философии», сопровождалось падением статуса ученых и старых научно-образовательных институций, но это положило начало процессу, благодаря которому появились новые практики коммуникации и продвижения научного знания, востребованные до сих пор.

Ключевые слова: К. Марло; «Трагическая история доктора Фауста»; Фауст; Мефистофель; средневековый университет; средневековый город; новое знание; научно-образовательное пространство; патронаж

Scientific and Educational Space in C. Marlowe's Play "The Tragical History of Doctor Faustus"

I. I. Lisovich

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
Moscow University for the Humanities*

The article examines the scientific and educational space in Christopher Marlowe's play "The Tragical History of Doctor Faustus". The expansion of new scientific practices and ideas into the sociocultural landscape of the medieval town engendered reflection, including the artistic one, on these changes, this is what can be seen in the case of this play. The scientific and educational space captures the segmentation of the town in the age of Marlowe: it combines elements of the medieval university and a new scientific and educational environment that is still marginal for the city dwellers. Nevertheless, Faustus expands this space and seeks for new possibilities.

Faustus actively draws upon those fields of knowledge that the humanists, mathematicians, astronomers and naturalists of the early modern period used to develop: philology (learning of ancient and modern languages), astrology and astronomy, geology, alchemy and botany as well as practices based on acquiring knowledge from experiments and observations that relate to magic in the play.

The space of the play is multilayered: it connects the sacral and the mundane, and the main conflict develops within Faustus' soul that is doubting and driven by "wit". Even though Faustus is portrayed as a lonely magician, the play presents the whole hierarchy of the medieval Europe, from servants and rogues to university colleagues, merchants, knights, monks, cardinals, dukes, the Pope and Emperor who are vigorously interested in Faustus' art.

The play demonstrates how the development of new scientific knowledge, "new philosophy" was accompanied by the diminishing status of scholars and old

scientific and educational institutions, but this marked the beginning of the process resulting in the formation of new practices of communication and advancement of scientific knowledge that are still in demand.

Keywords: C. Marlowe; "The Tragical History of Doctor Faustus"; Faustus; Mephistopheles; medieval university; medieval city; new knowledge; scientific and educational space; patronage

ВВЕДЕНИЕ

Научно-образовательные пространства в Европе раннего Нового времени претерпевают существенные изменения в связи с трансформацией научных институций, практик и самого статуса науки и ученого. На фоне практик цеховой закрытости в раннее Новое время можно наблюдать серьезные проблемы недоверия к науке. Гуманисты и ученые были недовольны университетами и создавали транснациональные проекты «Республики ученых», основывали альтернативные университетам публичные лекции и открытые научно-образовательные институции, публиковали научные работы, которые должны были разрушить корпоративную замкнутость и монополию на знание. Формирование нового научного знания и «новой философии» происходило одновременно с падением статуса ученых и научно-образовательных институций, но именно тогда начался процесс, благодаря которому были созданы новые способы коммуникации и распространения научного знания, которые используются и в настоящее время. Стратегии открытости, сформированные в ту эпоху, легли в основу европейской культуры научного знания. Во время научной революции возникло множество социальных и научных утопий, и на основе проектов ученых появилась уникальная научно-образовательная среда, открытая для простых горожан.

Возрождение античных искусств и продвижение наук, к которым стремились гуманисты, философы, медики, естествоиспытатели, художники и др.¹ было связано с открытым дискурсом, языком, методами и открытыми научно-образовательными пространствами. Возможность наблюдать за звездами, химическими и физическими опытами, за анатомированием и т. п., читать научные издания породили встречную реакцию: в европейской и английской культурах раннего Нового времени происходит экспансия научных идей и практик благодаря тому, что ученые переориентируются на публичность, утилитарность и открытость научных достижений для людей и социальных групп, не принадлежащих к ученым и институциям, которые производят, транслируют и сохраняют знание.

История английских научных институций, европейских академий, научно-образовательных пространств раннего Нового времени представлена в ряде работ, где изучены такие проблемы, как их структура и управление,

¹ См. подробнее о самоназвании ученых, занимавшихся «новой философией»: Косарева, 1989: 3.

роль патронажа в становлении академий, влияние ученых и научных практик на формирование моделей научных и образовательных институций общества модерн (Фантоли, 1999; Сапрыкин, 2000; Кудрявцев, 2008; Девятова, Купцов, 2011; Maylender, 1926–1930; Hahn, 1971; Shapiro, 1971; Hahn, 1990; Stroup, 1990; Patronage and Institutions ... , 1991; The shapes of knowledge ... , 1991; Biagioli, 1993; Pumfrey, Dawbarn, 2004; и др.). В связи с избранной темой представляют интерес работа Х. Керни, где он исследует институциональные причины научной революции и находит их в трансформации функций университета в английском постреформационном обществе (Kearney, 1970). Он полагает, что ликвидация католического канонического права, монастырей и обострение теологической полемики в Англии привели к возрождению колледжей, появлению тьюторской модели обучения, востребованной богатыми джентри, поскольку целью университетского образования стало производство светских интеллектуалов и джентльменов, что приносило хороший доход. В пьесе мы также видим, как Фауст признает теологию бесполезной, а так называемая «магия» может служить вполне практическим целям, хотя это показано в несколько пародийном ракурсе.

Изменения университетской среды не полностью удовлетворили запросы горожан, поэтому особое место в научно-образовательной среде Англии раннего Нового времени занимали публичные пространства, альтернативные университетам, например, такие как Грэшем-колледж (см. подробнее: Chartres, Vermont, 1998; Лисович, 2009), которые были призваны приобщать к новому знанию купцов, ремесленников, моряков и т. д.; или Ламли-лекции, которые были рассчитаны на постуниверситетское образование для профессионалов-хирургов, хотя и любопытные горожане также имели возможность посещать их.

Горожане не пассивно воспринимали открытия и демонстрируемые эксперименты, они нередко подвергали их критике, артикулировали и сверяли с личным опытом бытия. Благодаря этому взаимодействию постепенно возрастала степень доверия к науке. Экспансия научных идей в социокультурное пространство города породила рефлексю, в том числе и художественную относительно этих изменений, что видно на примере пародийного описания «тайного искусства» — магии в «Трагической истории жизни и смерти доктора Фауста» К. Марло (“The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus”, 1589–1592?). Ф. Бэкон также критиковал ту магию, которая не соответствовала критериям научности и открытости метода и коммуникации: «...наук, опирающихся скорее на фантазию и веру, чем на разум и доказательства, насчитывается три: это — астрология, естественная магия и алхимия. При чем цели этих наук отнюдь не являются неблагородными. <...> Но пути и способы, которые, по их мнению, ведут к этим целям, как в теории этих наук, так и на практике, изобилуют ошибками и всякой чепухой. Поэтому и обучение этим наукам не является,

как правило, открытым, но обставлено всяческими сложностями и таинственностью» (Бэкон, 1971: 115–116).

Уровень критического и скептического восприятия науки, экспансия научных терминов в обыденный язык, восприятие изобретений и открытий в искусствах, которые мы сейчас называем художественными, часто становятся важными свидетельствами степени доступности и понятности знания, доверия к ученым и научным институциям.

*СПЕЦИФИКА НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСЕ К. МАРЛО
«ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ФАУСТУСА»*

Уже в Прологе пьесы Хор определяет то пространство, где произойдут события трагедии. Заявленную в названии «трагическую историю», которая согласно жанру исторической трагедии, как правило, разворачивалась на поле боя в великих деяниях или в любовных коллизиях во дворцах сильных мира сего, Хор переносит в иное пространство — в город XVI в., а героем становится необычный для исторической трагедии персонаж — по происхождению простой бюргер:

Chorus. Not marching in the fields of Thrasymene,
Where Mars did mate the warlike Carthagens;
Nor sporting in the dalliance of love,
In courts of kings where state is overturn'd;
Nor in the pomp of proud audacious deeds,
Intends our Muse to vaunt her heavenly verse...

<...>

Now is he born of parents base of stock,
In Germany, within a town call'd Rhodes:
At riper years, to Wittenberg he went,
Whereas his kinsmen chiefly brought him up.

<...>

He surfeits upon cursed necromancy;
Nothing so sweet as magic is to him,
Which he prefers before his chiefest bliss:
And this the man that in his study sits².

² Не шествуя полями Тразимены, / Где Марс вступил с пунийцами в союз, / Не тешась праздной негою любви / В сени дворцов, с причудливой их жизнью, / Не в подвигах, не в блеске смелых дел / Свой черпать стих стремится наша Муза. <...> / Родился он в немецком городке / Названьем Родс, в семье совсем простой; / Став юношей, поехал в Виттен-

(Marlowe, 2000: 209)

Тем не менее, Хор находит основания для трагической высоты и античного пафоса через категорию ужасающего, поскольку Фауст вторгается в неземное пространство божественного благодаря магии и некромантии, что и станет причиной крушения нового Икара.

Пространство стремительно разворачивается от закрытого интимного к воображаемому Универсуму: находясь в окружении книг в своем университетском кабинете, Фауст мечтает не о власти земного правителя над пространством; его воображение интересуется божественная власть над пространством первостихий (первоэлементов), сотворенных Создателем:

Divinity, adieu!

These metaphysics of magicians,
 And necromantic books are heavenly;
 Lines, circles, scenes, letters, and characters;
 Ay, these are those that Faustus most desires.
 O, what a world of profit and delight,
 Of power, of honour, and omnipotence,
 Is promis'd to the studious artisan!
 All things that move between the quiet poles
 Shall be at my command: emperors and kings
 Are but obeyed in their several provinces;
 But his dominion that exceeds in this,
 Stretcheth as far as doth the mind of man;
 A sound magician is a demigod:
 Here tire, my brains, to gain a deity³.

(ibid.: 211)

Фауст размышляет о бесполезности схоластического университетского знания для его целей и обращается к опасному знанию, благодаря чему в кабинет вторгаются злой и добрый ангелы — вестники из сакрального про-

берг, / Где с помощью родных учился стал. <...> / Проклятому предался чернокнижью. / И магия ему теперь милей / Любых утех и вечного блаженства. / Таков тот муж, который здесь пред вами, / Сидит один в своей ученой келье (Марло, 2019: 72).

³ Прочь, Писанье! / Божественны лишь книги некромантов / И тайная наука колдунов. / Волшебные круги, фигуры, знаки... / Да, это то, к чему стремится Фауст! / О, целый мир восторгов и наград, / И почестей, и всемогущей власти / Искуснику усердному завещан! / Все, что ни есть меж полюсами в мире, / Покорствовать мне будет! Государям / Подвластны лишь их несколько провинций. / Его же власть доходит до пределов, / Каких достичь дерзает только разум. / Искусный маг есть — наполовину Бог. / Да, закали свой разум смело, Фауст, / Чтоб равным стать отныне божеству (Марло, 2019: 74).

странства, а также персонажи из жанрового пространства средневекового моралите⁴. Они появляются каждый раз, когда Фауст находится перед выбором или сомневается в нем. «Ангел зла» поддерживает стремление Фауста стать «властителем стихий» (“Lord and commander of these elements”; *ibid.*: 212). И Фауста искушают мечты о том, какие блага будет приносить покоренное им пространство: от доставки духами сокровищ земли и моря до желания стать могущественнее всех правителей мира, превращаться в невидимый дух и приобрести устрашающую славу великого оккультиста.

Таким образом, основное пространство трагедии — это пространство мыслей и души Фауста, искушаемых остроумием, семью смертными грехами, жадной славой, власти и познания, именно в нем фигурируют ангелы, Мефистофель и остальная нечистая сила. Пространство души все еще развивается в свете средневекового модуса грехопадения, и Фауст рассматривает свои занятия как грехопадение (парад грехов в пьесе) и отпадение от университета, Церкви, Создателя и Христа. Как оказывается в конце, “scholars” оценивают последние 30 лет жизни Фауста как одиночество, из-за которого, по их мнению, он и заболел. Т. е. Марло показывает время контракта с Люцифером как время самоизоляции Фауста: он и маргинализируется в социальном пространстве средневекового университетского города и вместо искомого могущества теряет даже то, что некогда имел, включая свое тело и душу.

Тем не менее, социальное пространство Фауста все-таки не полностью замкнуто: в кабинете появляется исполнительный ученый слуга Вагнер, которому перепадают крохи знания хозяина: в диалоге со школярами он демонстрирует навыки диспута, а затем вызывает бесов Балиола и Белчера, чтобы устроить шуту и заставить его служить себе. Эпизоды с шутком и Вагнером, Ральфом (Dick) и Робинем в папском и императорском дворцах пародийно показывают, как тайное знание проникает за пределы кабинетов в университетское и профанное пространство. Приобретенная Фаустом слава мага привлекает любопытных от императора Священной Римской империи и герцогов до школяров, слуг и мошенников.

Амбиции новоиспеченных магов-профанов коррелируют со средневековой социальной иерархией: шута привлекает возможность вызывать бесов и обещание Вагнера научить его превращаться в собаку, кошку, мышь или крысу; Робин и Ральф (Dick) используют похищенную ими магическую книжку Фауста, чтобы бездельничать, мошенничать, не платить за вино и безнаказанно воровать; вызванный ими раздосадованный Фауст превращает

⁴ Е. Н. Черноземова усматривает в развитии сюжета пьесы К. Марло о Фаусте влияние средневекового жанра — моралите (Черноземова, 2013).

их в обезьяну и собаку. Да и сам Фауст в сцене с лошадиным барышником использует свое искусство для обмана. Мы также видим новых коллег доктора — Корнелия и Вальдеса, которых Фауст называет «друзьями». Как свидетельствует последующий диалог студентов, узнавших об их визите в Фаусту, они уже приобрели в университете сомнительную репутацию магов. Корнелий и Вальдес не относятся к пространству университетской учености, поскольку именно они являются носителями «практической магии» и «тайных искусств» (“to practice magic and concealed arts”; *ibid.*: 212), которыми, как оказывается, убеждали заняться Фауста ранее.

В пьесе не показано, откуда Фауст имеет представление о знаменитых оккультистах и магии, но можно сделать предположение, что коммуникация между учеными, не имевшими возможности получить это знание в университете или в печатных изданиях, осуществлялась посредством так называемой «Республики письма» («Республики учености» или «Невидимого колледжа»). Понятие «Республика письма» исследователи вначале распространяли только на XVII–XVIII вв., но сейчас истоки этого явления, объединявшего интеллектуалов вне национальных границ, находят уже в XV в. (Lux, Cook, 1998; Mayhew, 2004). Этот феномен, основанный на специфическом способе коммуникации между учеными, способствовал обмену информацией, своими достижениями, найденными текстами, а также созданию научных институций типа академий, альтернативных средневековым университетами. Республика письма при неразвитости необходимых средств коммуникации в Англии и Европе позволяла гуманистам и ученым осуществлять общение на научные темы, в том числе и на те, которые имели статус сомнительных и маргинальных в то время.

Корнелий и Вальдес поддерживают решение Фауста и предлагают свою помощь в освоении магии, поскольку в режиме такого закрытого знания как оккультная философия, магия, алхимия, каббала и т. п. текст не только не дает полной информации, но и еще зашифрован; кроме того, практический аспект магии предполагает непосредственную передачу опыта при ее практическом применении:

And make me blest with your sage conference.
Valdes, sweet Valdes, and Cornelius,
Know that your words have won me at the last
To practise magic and concealed arts:
Yet not your words only, but mine own fantasy
That will receive no object; for my head.
<...>

Will be as cunning as Agrippa was,
Whose shadow made all Europe honour him⁵.

(Marlowe, 2000: 212–213)

Это сотрудничество взаимовыгодно, поскольку Корнелий и Вальдес занимаются практической магией, а им нужен “wit” (остроумие / остроумие) Фауста, чтобы достичь искомого могущества: “Faustus, these books, thy wit, and our experience, / Shall make all nations to canonise us. / As Indian Moors obey their Spanish lords, / So shall the spirits of every element / Be always serviceable to us three...” (ibid.: 213)⁶. Именно остроумие Фауста, которое он отточил занятиями схоластикой и на теологических диспутах, искушает и направляет его в новую и опасную, в контексте данной пьесы, область знания.

Корнелий и Вальдес стремятся опереться в своих магических занятиях на остроумие Фауста, поскольку остроумие с помощью воображения предполагает некий мыслительный вираж, который стремится восстановить целостную картину мира, связать физический мир, данный в чувственном восприятии, с метафизическим, доступным для интеллектуального познания (Лисович, 2019: 69). Мефистофель, также зная об интенциях Фауста и его достижениях, коварно предлагает ему: “And I will be thy slave, and wait on thee, / And give thee more than thou hast wit to ask” (Marlowe, 2000: 221)⁷.

Корнелий, убеждая Фауста принять решение, апеллирует к освоенному им своду знаний, который полезен для занятий магией, но не входит в корпус свободных искусств средневекового университета: “The miracles that magic will perform / Will make thee vow to study nothing else. / He that is grounded in astrology, / Enrich’d with tongues, well seen in minerals, / Hath all the principles magic doth require...” (ibid.: 213)⁸. Когда Фауст заключает контракт с Мефистофелем, и он вступает в силу, ученый просит его о книгах, где бы содержались нужные ему сведения о создателе Вселенной, структуре пространства макромира и принципах движения звезд, планет и т. п. Примечательно, что

⁵ Корнелий мой и милый Вальдес, жду вас! / Узнайте же, что вашими словами / Я побежден и, наконец, решился / Наукою таинственной заняться. / Постылы мне обманы философий; / Для мелких душ — и знахарство, и право, / Лишь магия одна меня пленяет! <...> Я стану всех мудрей, как встарь Агриппа, / Чью даже тень по всей Европе чтити (Марло, 2019: 76).

⁶ Твой, Фауст, ум, наш опыт, эти книги / Молиться нам заставят все народы! / Как дикари индейские испанцам, / Так будут нам покорствовать все силы (там же).

⁷ Я буду раб тебе, слуга послушный, / И дам тебе с лихвой, чего попросишь! (там же: 89).

⁸ Те чудеса, что магия свершает, / Увидевши, ты клятву принесешь / Не изучать других наук отныне. / Тот, кто знаком с учением о звездах, / Обогащен познанием языков / И выучил все свойства минералов, / Все принципы тот магии освоил (Марло, 2019: 77).

Фауст не задает вопросов, уточняющих модель Вселенной, также и Мефистофель, описывая ее, не показывает — гелиоцентрична или геоцентрична она. Мефистофель описывает только то, что соответствует и птолемеевской и коперниканской моделям, причем, приводятся факты и их традиционные интерпретации, известные Фаусту и любому астроному того времени.

Фауст постоянно обращается к тем областям знания, в которых работали гуманисты, математики, астрономы и естествоиспытатели эпохи раннего Нового времени: филология (изучение древних и современных языков), астрология и астрономия, геология, алхимия и ботаника, а также практики, основанные на получение знания при помощи опыта и наблюдения, которые в данном контексте также отнесены к магии. Это неудивительно, поскольку наука долгое время существовала в пространстве между зрелищем и производством теорий, и даже публичные опыты часто не были полностью открыты для зрителей, поскольку демонстраторы могли скрывать от них сам принцип действия, манипулировать публикой, демонстрировать только видимые эффекты, чудеса и тайны природы.

Пространство пьесы постоянно расширяется, и на сцене появляются так называемые «школяры» (scholars). В данном контексте слово “scholar” несет современное Марло словоупотребление, этим словом в XVI в. обозначали университетских ученых-схоластов, приверженцев Аристотеля, в отличие от гуманистов, виртуозов и магов, чей круг чтения и изыскания выходили за пределы университетского корпуса знания. Для ученых нового типа, исследовавших природу при помощи эксперимента, наблюдения и измерения, не было единого наименования. Так Л. М. Косарева пишет, что «те, кто закладывал основы науки Нового времени, сами называли себя “виртуозами”, “натуралистами”, “натурфилософами”, “энтузиастами экспериментальной философии”» (Косарева, 1989: 3).

Фауст в пьесе К. Марло называет себя «школяром» (“scholar”), ученым мужем (“learned man”), магом (“magician”) и «артизаном» — артистом, т. е. занимающимся свободными искусствами (см. подробнее о свободных искусствах: Лисович, 2016): “Is promis’d to the studious artisan!” (Marlowe, 2000: 211). В XVI–XVII вв. преобладали художники-универсалы, которые предпочитали называть себя «виртуозами». К виртуозам в равной степени причисляли себя Ф. Петрарка, Н. Кузанский, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Н. Макиавелли, Л. Валла, Ф. Сидни, Дж. Бруно, Ф. Бэкон и др. Термин «ученый» (“scientist”) в английском языке утвердился за исследователями в области точных и естественнонаучных дисциплин только с середины XIX в. и до сих пор сохраняет это словоупотребление, “scholar” же обозначает того, кто занимается гуманитарными науками.

Хор в прологе и сам Фауст говорит о том, что он достиг вершин в изучении Аристотеля, логики и теологии, искусен в ведении диспутов, что было основой схоластики. В финале «школяры», нашедшие его растерзанное тело, также признают, что Фауст был “scholar” в “our German schools”, как и они, поэтому он будет похоронен университетом:

Well, gentlemen, though Faustus' end be such
As every Christian heart laments to think on,
Yet, for he was a scholar once admir'd
For wondrous knowledge in our German schools,
We'll give his mangled limbs due burial;
And all the students, cloth'd in mourning black,
Shall wait upon his heavy funeral⁹.

(ibid.: 269)

В русском переводе Н. Н. Амосовой и Е. Н. Бируковой слово “scholar” переведено как «студент», но в данном контексте точнее будет перевести как «ученый», поскольку слово “student” также встречается в тексте. Оно вошло в английский язык позднее, в XIV в.: students (от лат. “studiosus”) — «преданный наукам, пытливый, любознательный, учащийся, изучающий». Контекст словоупотребления показывает, что это слово используется в значении, более близком к современному, — «те, кто обучается в университете». Оно указывает также на их неопытность, на то, что человек находится в процессе обучения: Фауст обещает студентов школ нарядить в шелка; а в финале студенты (students), одетые в траурную одежду будут хоронить его как «ученого» (scholar).

Кроме того, Фауст вспоминает о себе, как о “student”, который прожил в Виттенберге 30 лет и читал книги¹⁰. Хронология пьесы позволяет трактовать эту цифру двояко: возможно, Фауст шесть лет учился и преподавал в Виттенберге, освоив весь корпус университетского знания от Аристотеля до Галена; затем 24 года, согласно контракту с Люцифером, обучался магии и практиковал ее. Либо 30 лет провел в Виттенберге, штудировав книги, от кото-

⁹ Ну, господа, хоть этакую смерть / Христианину жутко и представить, / Но все ж он был ученый, и за мудрость / В немецких школах восхищались им. / Останки мы, как должно, похороним, / И Фауста в последний путь проводят / На этом безотрадном погребенье, / Все в трауре, его ученики (Марло, 2019: 159).

¹⁰ Though my heart pant and quiver to remember that I have been a student here these thirty years, O would I had never seen Wittenberg, never read book! (Marlowe, 2000: 264). В рус. пер.: «Хоть сердце мое трепещет и рвется при воспоминании о том, что долгих тридцать лет я занимался здесь учеными трудами, но лучше бы мне никогда не видеть Виттенберга, никогда не читать книг!» (Марло, 2019: 152).

рых он отрекается в начале пьесы, а затем обратился к магическим книгам и практической магии, которой занимался 24 года. Соответственно, время его студенчества — это время обучения по книгам университетского корпуса и магии. Интересно, что Фауст не теряет связь с университетом окончательно: он все также живет в Виттенберге, к нему приходят коллеги-scholars, интересуются его занятиями и воспринимают его как члена своей корпорации; но Люцифера и его свиту видит только Фауст благодаря подписанному контракту.

В тексте пьесы не всегда понятно, одни и те же “scholars” появляются перед нами на протяжении 24-х лет, поскольку их реакции на происходящее с Фаустом весьма различны. Узнав от Вагнера о его общении с Корнелием и Вальдесом, “scholars” обеспокоены занятиями Фауста и, ведомые заботой о нем, направляются к ректору, чтобы оповестить его о новом опасном увлечении доктора. Затем мы встречаем любопытных «школяров», которые просят Фауста, освоившего искусство некромантии, показать им прекраснейшую из женщин — Елену Троянскую¹¹. Здесь и Фауста и “scholars” объединяет грех сладострастия и любовь к античности (возможно, аллюзия на гуманистов и современное искусство), что создает двойное искушение для христианина, а демонстрация Фауста приводит их в восторг и они признают ее красивейшей.

В финале пьесы мы видим других “scholars”, которые пекутся о здоровье Фауста, но они, похоже, не имеют представления о его занятиях, в отличие от предыдущих «школяров», связывая его состояние с меланхолией, порожденной одиночеством. Причем, один из них некогда жил с Фаустом: “*Faustus. Ah, my sweet chamber-fellow, had I lived with thee, then had I lived still! but now must die eternally*”¹² (ibid.: 264).

А когда доктор раскрывает им истинные причины своего недуга — контракт с дьяволом, они дают ему благопристойные советы: обратиться к Писанию, священнику и предлагают свою молитвенную помощь во искупление. Они явно не похожи на первых «школяров», заподозривших Фауста в занятии магией, или на вторых школяров, которые принимали участие в

¹¹ *I scholar. Master Doctor Faustus, since our conference about fair ladies, which was the beautifullest in all the world, we have determined with ourselves that Helen of Greece was the admirablest lady that ever lived: therefore, Master Doctor, if you will do us so much favour as to let us see that peerless dame of Greece, whom all the world admires for majesty, we should think ourselves much beholding unto you* (Marlowe, 2000: 260). В рус. пер.: *1-й студент. Господин доктор Фауст, обсудив вопрос о том, которая из женщин была красивее всех в мире, мы порешили, что прекраснейшей женщиной, когда-либо жившей на свете, была Елена Греческая. А потому, господин доктор, мы сочли бы себя глубоко вам обязанными, если бы вы сделали милость и показали нам эту несравненную греческую жену, величием которой восхищается весь мир* (Марло, 2019: 146).

¹² *Faust. Ах, дорогой сосед, я был бы рад / Спасть с тобой, но нет пути назад (там же: 152).*

некромантических демонстрациях Елены. Пребывание в доме Фауста может стоить им вечной жизни, и они, страшась, покидают его:

Faustus. God forbade it, indeed; but Faustus hath done it: for the vain pleasure of four-and-twenty years hath Faustus lost eternal joy and felicity. I writ them a bill with mine own blood: the date is expired; this is the time, and he will fetch me.

1 scholar. Why did not Faustus tell us of this before, that divines might have prayed for thee?

Faustus. Oft have I thought to have done so; but the devil threatened to tear me in pieces, if I named God; to fetch me body and soul, if I once gave ear to divinity: and now 'tis too late. Gentlemen, away, lest you perish with me.

2 scholar. O, what may we do to save Faustus?

Faustus. Talk not of me, but save yourselves, and depart.

3 scholar. God will strengthen me; I will stay with Faustus.

1 scholar. Tempt not God, sweet friend; but let us into the next room and pray for him.

Faustus. Ay, pray for me, pray for me; and what noise soever you hear, come not unto me, for nothing can rescue me.

2 scholar. Pray thou, and we will pray that God may have mercy upon thee¹³ (ibid.: 265).

В кварто 1616 года (текст В) эти же “scholars” вновь появляются на сцене перед последним выходом Хора, чтобы быть свидетелями страшной смерти Фауста, разорванного на части бесами (возможно, здесь также содержится аллюзия на алхимические опыты, которые заканчивались взрывом и

¹³ *Фауст.* Бог и не хотел этого допустить, но Фауст все-таки это сделал. Ради пустых наслаждений в течение двадцати четырех лет Фауст потерял вечное блаженство. Я написал им обет собственной своею кровью. Срок истек... Час наступает, они утащат меня!

1-й студент. Почему же, Фауст, ты не сказал нам об этом раньше, чтобы священники могли молиться за тебя?

Фауст. Я часто помышлял об этом, но дьявол грозился разорвать меня в куски, если я буду призывать имя Божье, и утащить и тело и душу мою, если я хоть раз склоню слух свой к словам Священного Писания. А теперь — слишком поздно! Уйдите, господа, чтобы не погибнуть вместе со мной.

2-й студент. О, как нам спасти Фауста?..

Фауст. Не думайте обо мне, спасайтесь сами и уходите.

3-й студент. Бог укрепит меня, я останусь с Фаустом.

1-й студент. Не испытывай терпенья Божьего, друг мой, пойдем в соседнюю комнату и помолимся там за него.

Фауст. Да, молитесь за меня, молитесь за меня, и какой бы шум вы ни услышали, не входите ко мне, ибо все равно ничто мне не поможет.

2-й студент. Молись и ты, а мы будем молить Господа, чтобы он явил над тобой милосердие свое (Марло, 2019: 153–154).

смертью алхимиков)¹⁴. Эти ученые лояльно, с милосердием относятся к Фаусту, воспринимая его как коллегу, и они принимают решение похоронить Фауста как члена корпорации, очевидно, что “students” не имели таких полномочий.

В данной пьесе поведение каждого из тройки «школяров» солидарно, они разделяют мнение друг друга. Вторая тройка вполне могла бы стать единомышленниками и преемниками Фауста; а третью тройку, которая не причастна к его занятиям магией, он сам оберегает от искушения и падения. Таким образом, в пьесе у Фауста нет полноценных учеников или ассистентов (за исключением комичных профанов Вагнера и шута или Дика и Робина), которые бы могли обеспечить преемственность и продвижение нового знания, которое обозначено здесь как «магия». Марло показывает, как оно умирает вместе с Фаустом, поскольку университетские студенты того времени, в том числе и в Англии, учились при помощи книг, а не опыта.

Занятия магией часто вызывали подозрения в ереси и в связях с нечистой силой, духами, демонами и пр., что видно на примере легенд об Альберте Великом, Роджере Бэконе, Раймонде Луллии, Парацельсе, Джоне Ди, Йехуде Лёве бен Бецалеле и др. Достаточно терпимое и даже восхищенное отношение большинства персонажей трагедии от студентов до императора к магическому искусству Фауста можно объяснить христианской традицией:

¹⁴ *1 scholar.* Come, gentlemen, let us go visit Faustus, / For such a dreadful night was never seen; / Since first the world's creation did begin, / Such fearful shrieks and cries were never heard: / Pray heaven the doctor have escap'd the danger.

2 scholar. O, help us, heaven! see, here are Faustus' limbs, / All torn asunder by the hand of death!

3 scholar. The devils whom Faustus serv'd have torn him thus; / For, twixt the hours of twelve and one, methought, / I heard him shriek and call aloud for help; / At which self time the house seem'd all on fire / With dreadful horror of these damned fiends.

2 scholar. Well, gentlemen, though Faustus' end be such / As every Christian heart laments to think on, / Yet, for he was a scholar once admir'd / For wondrous knowledge in our German schools, / We'll give his mangled limbs due burial; / And all the students, cloth'd in mourning black, / Shall wait upon his heavy funeral (Marlowe, 2000: 269).

В рус. пер.:

1-й студент. Идемте, нужно Фауста проведать. / Таких раскатов и такого шквала / От сотворенья мира не бывало, / А уж какой тут был ужасный крик! / О Боже, сделай так, чтоб доктор спасся.

2-й студент. О небо! Это он! Рукою смерти / Все члены прочь оторваны от тела.

3-й студент. То демоны беднягу растерзали; / Ведь, помнится, меж полночью и часом / Я слышал, как он громко звал на помощь, / И в то же время дом был как в огне, / Так в нем трудилась дьявольская сила.

2-й студент. Ну, господа, хоть этакую смерть / Христианину жутко и представить, / Но все ж он был ученый, и за мудрость / В немецких школах восхищались им. / Останки мы, как должно, похороним, / И Фауста в последний путь проводят / На этом безотрадном погребенье, / Все в трауре, его ученики (Марло, 2019: 159).

во-первых, три короля, которые шли с дарами к младенцу Иисусу были магами; во-вторых, великие теологи средневековья также имели репутацию магов (Р. Луллий, Альберт Великий, Р. Бэкон и др.). Но Фауст преступил границы дозволенного в натуральной магии, поскольку заключили договор с Люцифером.

Тем не менее, тема помощников, ассистентов, лаборантов (“technicians”) присутствует в пьесе, только роль ассистента здесь выполняет Мефистофель. Примечательно, что и в истории и социологии науки, как отмечает Р. Айлифф, “technicians” до сих пор остаются «невидимыми», поскольку история науки мыслится как производство теорий. Подготовка материала для опытов, запись наблюдений, измерительные процедуры, перепроверка знаний, изготовление инструментов, сбор материала и тому подобная работа ложилась на плечи «техников».

Они долгое время оставались в пространстве между ремесленным мастерством и учеными, которые, по мнению Айлиффа обладают универсальными знаниями, навыками научной коммуникации и кредитом доверия среди коллег (Iliffe, 2008). Практики взаимодействия между учеными и ремесленниками уже возникают в Уранеборге Тихо Браге, Грэшем-колледже и Лондонском королевском обществе. Формы их организации развивались от моделей «семьи» и корпорации. Время, которое университетские коллеги Фауста обозначили как меланхолию от одиночества, на самом деле он проводил в занятиях магией совместно с Мефистофелем, который частично берет на себя функции “technicians”: выполняет его поручения, желания и доставляет все необходимое для искусства.

Но сотрудничество с Мефистофелем показано не как занятие «новой философией»: Мефистофелю важно получить душу Фауста и уничтожить его тело, а также заставить его отречься от небес, Св. Писания и церкви. Сцены с папой показывают Римско-католическую церковь в комичном свете, что отвечает и развитию сюжета грехопадения, а также позволительны для протестантов, что придает сюжету амбивалентную окраску.

И если для Фауста контракт с Люцифером интересен с точки зрения познания «тайн природы», то остальные персонажи обращаются к его магии исключительно в прагматических целях. Искусство Фауста позволяет ему проникнуть в высшие социальные слои: физическое и социальное пространство пьесы стремительно расширяется. Фауст с помощью Мефистофеля может оказаться в любой точке земли, включая Ватикан. Он достигает и вершины социальной иерархии, светской и духовной: демонстрирует свое магическое искусство императору Священной Римской империи Карлу V и проникает в папский дворец, чтобы там направоказничать.

Это происходит благодаря тому, что ему подвластно преодолевать границы сакрального (воплощать духов умерших) и физического (мгновенно доставлять виноград в январе из той точки земли, где он сейчас созрел) пространств. Благодаря магии границы и объекты пространства становятся взаимопроницаемыми, зыбкими, иллюзорными; а время не только стремительно сворачивается, но и уничтожается.

Интерес императора к искусству Фауста отражает основную важную для развития новой философии тенденцию XVI столетия. Наука институционализируется под высочайшим патронажем, а горожане с учеными становятся инициаторами создания открытых научно-образовательных учреждений. Новое знание не желало оставаться привилегией избранных, оно стремилось к светской публичности, разрушая рамки церковной и университетской корпорации. Карл V в пьесе неслучайно изображен как поклонник Александра Великого. Именно он патронировал экспедиции Фернана Магеллана, Эрнана Кортеса и др. Известен он и как покровитель Везалия. Так в начале XVI в. парижане выразили желание изучать науки, которые не преподавались в университете. В 1530 г. Франциском I был основан Королевский колледж (*Le Collège royal*, девиз: «*Docet omnia*» / «Учит всему»; с 1870 г. — Коллеж де Франс (*Le Collège de France*)). Ученые обратились к королю с просьбой взять их под свое покровительство, поскольку хотели создать альтернативу Сорбонне с целью продвижения знаний в области математики, медицины, философии, древнееврейского и древнегреческого языков в Париже. Лекции читались парижанам бесплатно.

Во время написания и последующих переделок пьесы складываются и английские научные институции, специфика которых связана с самоуправлением под эгидой патронажа и сознательной ориентацией на открытый доступ к научной информации, что нашло отражение в Ламбли-лекциях (осн. в 1582 г.), Грэшем-колледже (осн. в 1597 г. под патронажем Елизаветы I), проектах Уильяма Петти, Сэмюэля Хартлиба, Яна Амоса Коменского, частично реализованных в Лондонском королевском обществе (осн. в 1660 г. под патронажем Карла II).

Демонстрации анатомии и опытов быстро приобретают элементы шоу, и эта тенденция хорошо отражена и в пьесе, особенно в ее более поздних обработках 1616 г. и далее, где сюжет дополняется «проделками» Фауста. Пьеса К. Марло обрела популярность сразу после публикации (труппа Лорда Адмирала поставила «Доктора Фауста» 24 раза за три года — с октября 1594 г. по октябрь 1597 г., пьеса переиздавалась в 1604, 1616, 1619, 1620, 1624, 1631 и в 1663 гг.). Э. Эттин связывает популярность трагедии, сюжетов и образов магов с их зрелищным карнавальным потенциалом, позволяющим демонстрировать публике превращения и спецэффекты, поскольку «магия ис-

кусства и искусство магии находятся в постоянном диалоге» (“The magic of art and the art of life are in continual dialogue...”) (Ettin, 1977: 287). Пьеса Марло вслед за Дж. Чосером продолжила традицию негативного восприятия образа ученого нового типа, а зрителям в театре даже виделись на сцене настоящие демоны и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В открытые научно-образовательные пространства достаточно рано проникает зрелищность и театральность, в свою очередь, и на сцене театра появляются сюжеты о магах, виртуозах и т. п. В пьесе мы также видим, как «таинственное искусство магии» становится популярным и практикуется на разных уровнях от «профессионального» до профанного, это отражает еще один процесс в развитии научных образовательных пространств раннего Нового времени. В связи с тем, что ученые стремились представить свои опыты, открытия и изобретения публике, формируется особый модус репрезентации знаний, который М. Линн описывает как популярную науку (“popular science”) (Lynn, 2006). В нашем случае, модус закрытости и таинственности приводит к повышенному любопытству окружающих к занятиям Фауста и создает популярность самому сюжету о Фаусте и, соответственно, реальным ученым нового типа.

Можно ли говорить о том, что благодаря коммуникациям ученых между собой и публикой формируются новые пространства научных сообществ (community)? Проблема в том, что в английском языке XVII — пер. пол. XVIII вв. слово “society” использовалось в значении «сообщество», а слово “community” — для обозначения религиозных общин, и только в сер. XVIII в. “community” начинает употребляться применительно к научным сообществам. Для решения этой терминологической проблемы можно обратиться к концепции Р. Рорти, который обозначил словом “universitas” группу, объединенную взаимными интересами в достижении общей цели, а “societas” — людей, не объединенных общей целью и основанием, чьи жизненные дороги пересеклись случайно (Рорти, 1997: 235). С этих позиций «Невидимый колледж» и коммуникацию Фауста с Вальдесом, Корнелием, «школярами», Мефистофелем и Люцифером можно назвать “universitas”. А общение горожан, патронов и ученых отнести к “societas”. В нашем случае “societas” пародийно показано на примере Вагнера, Ральфа, Робина, шута, папы римского, рыцаря и т. д. Хотя в Лондоне уже в это время были случаи сотрудничества, например, между профессорами Грэшем-колледжа и горожанами¹⁵.

¹⁵ В результате посещения лекций плотник Ричард Деламайн стал преподавателем математики, Ральф Хандсон занялся исследованием навигации, капитан Томас Джеймс в октябре 1631 года по поручению

Таким образом, сюжет о докторе Фаустусе становится популярным в Англии и Европе благодаря ситуации, когда властители, аристократы, клирики и обычные горожане оказываются заинтересованными в новом знании о мире и человеке, а ученые были готовы сделать его полезным и понятным. Но пьеса К. Марло, как и исходный текст немецкой народной книги о Фаусте, свидетельствует об отпадении и одиночестве Фауста: мы видим иерархическое пространство средневекового города и университет, который все еще заботится о заблудшем члене своей корпорации. Марло и те, кто переделывал пьесу, не отразили новые научные институции, которые уже появляются в Европе и Англии.

Таким образом, в пьесе показано, как новые практики вторгаются во все средневековые городские сословные корпоративные пространства: в университет, к торговцам, клирикам и рыцарям. Научные изобретения и открытия накладывались уже на существующие в английском обществе социокультурные пространства, формы, представления и практики, поэтому на научную репрезентацию новых идей оказывали влияние теология, этика, риторика грехопадения и поэтика средневекового моралите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бэкон, Ф. (1971) Соч. : в 2 т. / сост. А. Л. Субботина ; пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М. : Мысль. Т. I. 589, [1] с.

Девятова, С. В., Купцов, В. И. (2011) Возникновение первых академий наук в Европе // Вопросы философии. № 9. С. 126–135.

Косарева, Л. М. (1989) Социокультурный генезис науки Нового времени (Философский аспект проблемы). М. : Наука. 160 с.

Кудрявцев, О. Ф. (2008) Флорентийская Платоновская академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М. : Наука. 477, [1] с.

Лисович, И. И. (2009) Грешем-колледж и имперские амбиции Лондона XVII в. // Социокультурное пространство современного города : сб. науч. статей / сост. и ред. Л. В. Карцевой. Казань : Казанский гос. ун-т культуры и искусств. 286 с. С. 71–79.

Лисович, И. И. (2016) Научное знание, неоплатонизм и свободные искусства в культуре Англии раннего Нового времени // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 242–260. DOI: [10.17805/zpu.2016.4.21](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.4.21)

Лисович, И. И. (2019) “Wit”, познание и искушение: артикуляция практик нового знания в «Трагической истории Доктора Фауста» К. Марло //

Грешем-профессора Генри Гиллибранда фиксировал параметры лунного затмения в Северной Америке и тестировал точность измерительных инструментов Эдмунда Гюнтера (Adamson, 1980: 20).

Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. № 1 (12). С. 62–72.

Марло, К. (2019) Трагическая история доктора Фауста / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова ; отв. ред. Н. Э. Микеладзе ; ред. изд-ва Т. Л. Ломакина. СПб. : Наука. 321, [1] с., [13] л. ил. (Литературные памятники).

Рорти, Р. (1997) Философия и зеркало природы / пер. с англ. ; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 296, [1] с.

Сапрыкин, Д. Л. (2000) «Научный орден» Френсиса Бэкона и зарождение научного общества нового типа // Науковедение. № 3. С. 194–208.

Фантоли, А. (1999) Галилей: в защиту учения Коперника и достоинство Святой Церкви / пер. с итал. А. Брагина. М. : МИК. 423 с.

Черноземова, Е. Н. (2013) Доктор Фауст по-английски: актуализация образа Мерлина в литературе XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. № 4 (41). С. 100–109.

Adamson, I. R. (1980) The administration of Gresham College and its fluctuating fortunes as a scientific institution in the seventeenth century // History of Education. Vol. 9. No. 1. P. 13–25. DOI: [10.1080/0046760800090102](https://doi.org/10.1080/0046760800090102)

Biagioli, M. (1993) Galileo, courtier: The practice of science in the culture of absolutism. Chicago ; L. : University of Chicago Press. xii, 402 p.

Chartres, R., Vermont, D. (1998) A brief history of Gresham College 1597–1997. L. : Gresham College. 100 p.

Ettin, A. V. (1977) Magic into art: The magician's renunciation of magic in English Renaissance drama // Texas Studies in Literature and Language. Vol. 19. No. 3. P. 268–293.

Hahn, R. (1971) The anatomy of a scientific institution: The Paris Academy of Sciences, 1666–1803. Berkeley, CA : University of California Press. xiv, 433 p.

Hahn, R. (1990) The age of academies // Solomon's house revisited: The organization and institutionalization of science / ed. by T. Frängsmyr. Canton, MA : Science History Publications. xiii, [1], 350 p. P. 3–12.

Ilfiffe, R. (2008) Technicians // Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 62. No. 1. P. 3–16.

Kearney, H. F. (1970) Scholars and gentlemen: Universities and society in pre-industrial Britain. L. : Faber & Faber. 214 p.

Lux, D. S., Cook, H. J. (1998) Closed circles or open networks: Communicating at a distance during the scientific revolution // History of Science. Vol. 36. Issue 2. P. 179–211. DOI: [10.1177/007327539803600203](https://doi.org/10.1177/007327539803600203)

Lynn, M. R. (2006) Popular science and public opinion in eighteenth-century France. Manchester ; N. Y. : Manchester University Press. ix, 177 p.

Marlowe, C. (2000) *The tragedy of Doctor Faustus (1616, B-text)* // Marlowe C. *The plays / with introductions by E. Smith*. Ware : Wordsworth. x, 546 p. P. 207–270. (Wordsworth classics of world literature).

Mayhew, R. J. (2004) British geography's republic of letters: Mapping an imagined community, 1600–1800 // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 65. No. 2. P. 251–276. DOI: [10.1353/jhi.2004.0029](https://doi.org/10.1353/jhi.2004.0029)

Maylender, M. (1926–1930) *Storia delle accademie in Italia : in 5 volumi*. Bologna : A. Forni / L. Cappelli.

Patronage and institutions: Science, technology, and medicine at the European court 1500–1750 (1991) / ed. by B. T. Moran. Rochester, NY : The Boydell Press. 261 p.

Pumfrey, S. P., Dawbarn, F. (2004) Science and patronage in England, 1570–1625: A preliminary study // *History of Science*. Vol. 42. Issue 2. P. 137–188. DOI: [10.1177/007327530404200201](https://doi.org/10.1177/007327530404200201)

Shapiro, B. J. (1971) The universities and science in seventeenth century England // *The Journal of British Studies*. Vol. 10. Issue 2. P. 47–87. DOI: [10.1086/385610](https://doi.org/10.1086/385610)

Stroup, A. A. (1990) *A company of scientists: Botany, patronage, and community at the seventeenth-century Parisian Royal Academy of Sciences*. Berkeley ; Los Angeles ; Oxford : University of California Press. xv, 387 p.

The shapes of knowledge from the Renaissance to the Enlightenment (1991) / ed. by D. R. Kelley, R. H. Popkin. Dordrecht : Kluwer. vi, 229 p. (International archives of the history of ideas, vol. 124).

Дата поступления: 10.10.2019 г.

REFERENCES

Bacon, F. (1971) *Sochineniia [Works]* : in 2 vols. / comp. by A. L. Subbotina ; transl. by N. A. Fedorov and Ya. M. Borovskii. Moscow : Mysl' Publ. Vol. I. 589, [1] p. (In Russ.).

Deviatova, S. V. and Kuptsov, V. I. (2011) *Vozniknovenie pervykh akademii nauk v Evrope [The origin of the first academies of sciences in Europe]*. *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 126–135. (In Russ.).

Kosareva, L. M. (1989) *Sotsiokul'turnyi genesis nauki Novogo vremeni (Filosofskii aspekt problemy) [Sociocultural genesis of early modern science (Philosophical aspect of the issue)]*. Moscow : Nauka Publ. 160 p. (In Russ.).

Kudriavtsev, O. F. (2008) *Florentiiskaia Platonovskaia akademiia: ocherk istorii dukhovnoi zhizni renessansnoi Italii [The Platonic Academy of Florence: A sketch of the history of the spiritual life of Italy in the Renaissance]*. Moscow : Nauka Publ. 477, [1] p. (In Russ.).

Lisovich, I. I. (2009) Greshem-kolledzh i imperskie ambitsii Londona XVII v. [Gresham College and imperial ambitions of London in the 17th century]. In: *Sotsiokul'turnoe prostranstvo sovremennogo goroda [Sociocultural space of modern city]* : Collection of articles / coll. and ed. by L. V. Kartseva. Kazan : Kazan State University of Culture and Arts. 286 p. Pp. 71–79. (In Russ.).

Lisovich, I. I. (2016) Nauchnoe znanie, neoplatonizm i svobodnye iskusstva v kul'ture Anglii rannego Novogo vremeni [Science, Neo-Platonism and liberal arts in the culture of England in the early modern period]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 242–260. (In Russ.). DOI: [10.17805/zpu.2016.4.21](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.4.21)

Lisovich, I. I. (2019) “Wit”, poznanie i iskushenie: artikuliatsiia praktik novogo znaniia v «Tragicheskoi istorii Doktora Fausta» K. Marlo [“Wit”, cognition and temptation: Verbalization of practices of new knowledge in “The Tragical History of Doctor Faustus” by Christopher Marlowe]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*, no. 1 (12), pp. 62–72. (In Russ.).

Marlowe, C. (2019) *Tragicheskaiia istoriia doktora Fausta [The tragical history of the life and death of Doctor Faustus]* / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, D. N. Zhatkin and A. A. Riabova ; ed. by N. E. Mikeladze ; editor of the publisher T. L. Lomakina. St. Petersburg : Nauka Publ. 321, [1] p., [13] l. ill. (Literaturnye pamiatniki / Literary monuments). (In Russ.).

Rorty, R. (1997) *Filosofia i zerkalo prirody [Philosophy and the mirror of nature]* / transl. from English ; ed. by V. V. Tselishchev. Novosibirsk : Novosibirsk University Publ. 296, [1] p. (In Russ.).

Saprykin, D. L. (2000) «Nauchnyi orden» Frensisa Bekona i zarozhdenie nauchnogo obshchestva novogo tipa [“Scientific order” of Francis Bacon and the rise of scientific society of a new kind]. *Naukovedenie*, no. 3, pp. 194–208. (In Russ.).

Fantoli, A. (1999) *Galilei: v zashchitu ucheniia Kopernika i dostoinstvo Sviatoi Tserkvi [Galileo, per il copernicanesimo e per la chiesa / Galileo, for Copernicanism and for the Church]* / transl. from Italian by A. Bragin. Moscow : MIK Publ. 423 p. (In Russ.).

Chernozemova, E. N. (2013) Doktor Faust po-angliiski: aktualizatsiia obraza Merlina v literature XX veka [Doctor Faustus in English literature: Merlin in the twentieth-century literature]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, no. 4 (41), pp. 100–109. (In Russ.).

Adamson, I. R. (1980) The administration of Gresham College and its fluctuating fortunes as a scientific institution in the seventeenth century. *History of Education*, vol. 9, no. 1, pp. 13–25. DOI: [10.1080/0046760800090102](https://doi.org/10.1080/0046760800090102)

Biagioli, M. (1993) *Galileo, courtier: The practice of science in the culture of absolutism*. Chicago ; London : University of Chicago Press. xii, 402 p.

Chartres, R. and Vermont, D. (1998) *A brief history of Gresham College 1597–1997*. London : Gresham College. 100 p.

Ettinger, A. V. (1977) Magic into art: The magician's renunciation of magic in English Renaissance drama. *Texas Studies in Literature and Language*, vol. 19, no. 3, pp. 268–293.

Hahn, R. (1971) *The anatomy of a scientific institution: The Paris Academy of Sciences, 1666–1803*. Berkeley, CA : University of California Press. xiv, 433 p.

Hahn, R. (1990) The age of academies. In: *Solomon's house revisited: The organization and institutionalization of science* / ed. by T. Frängsmyr. Canton, MA : Science History Publications. xiii, [1], 350 p. Pp. 3–12.

Illiffe, R. (2008) Technicians. *Notes and Records of the Royal Society of London*, vol. 62, no. 1, pp. 3–16.

Kearney, H. F. (1970) *Scholars and gentlemen: Universities and society in pre-industrial Britain*. London : Faber & Faber. 214 p.

Lux, D. S. and Cook, H. J. (1998) Closed circles or open networks: Communicating at a distance during the scientific revolution. *History of Science*, vol. 36, issue 2, pp. 179–211. DOI: [10.1177/007327539803600203](https://doi.org/10.1177/007327539803600203)

Lynn, M. R. (2006) *Popular science and public opinion in eighteenth-century France*. Manchester ; New York : Manchester University Press. ix, 177 p.

Marlowe, C. (2000) The tragedy of Doctor Faustus (1616, B-text). In: Marlowe, C. *The plays* / with introductions by E. Smith. Ware : Wordsworth. x, 546 p. Pp. 207–270. (Wordsworth classics of world literature).

Mayhew, R. J. (2004) British geography's republic of letters: Mapping an imagined community, 1600–1800. *Journal of the History of Ideas*, vol. 65, no. 2, pp. 251–276. DOI: [10.1353/jhi.2004.0029](https://doi.org/10.1353/jhi.2004.0029)

Maylender, M. (1926–1930) *Storia delle accademie in Italia [History of the Academies of Italy]* : in 5 vols. Bologna : A. Forni / L. Cappelli. (In Italian).

Patronage and institutions: Science, technology, and medicine at the European court 1500–1750 (1991) / ed. by B. T. Moran. Rochester, NY : The Boydell Press. 261 p.

Pumfrey, S. P. and Dawbarn, F. (2004) Science and patronage in England, 1570–1625: A preliminary study. *History of Science*, vol. 42, issue 2, pp. 137–188. DOI: [10.1177/007327530404200201](https://doi.org/10.1177/007327530404200201)

Shapiro, B. J. (1971) The universities and science in seventeenth century England. *The Journal of British Studies*, vol. 10, issue 2, pp. 47–87. DOI: [10.1086/385610](https://doi.org/10.1086/385610)

Stroup, A. A. (1990) *A company of scientists: Botany, patronage, and community at the seventeenth-century Parisian Royal Academy of Sciences*. Berkeley ; Los Angeles ; Oxford : University of California Press. xv, 387 p.

The shapes of knowledge from the Renaissance to the Enlightenment (1991) / ed. by D. R. Kelley and R. H. Popkin. Dordrecht : Kluwer. vi, 229 p. (International archives of the history of ideas, vol. 124).

Submission date: 10.10.2019.

Лисович Инна Ивановна — доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета экономических и социальных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1. Тел.: +7 (499) 956-95-68. Эл. адрес: mag-inna@yandex.ru

Lisovich Inna Ivanovna, Doctor of Culturology, Candidate of Philology; Professor, Department of Humanities and Social Sciences; Faculty of Economic and Social Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: Bldg. 1, 84 Prospekt Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 956-95-68. E-mail: mag-inna@yandex.ru

Для цитирования:

Лисович И. И. Научно-образовательное пространство в пьесе К. Марло «Трагическая история доктора Фаустуса» [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 6. С. 3–25. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1088> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2019.6.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.6.1)